

Азбука
PREMIUM

Ивлин Во

Сенсация

Санкт-Петербург

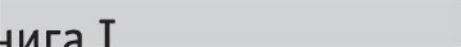
УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
В 61

Evelyn Waugh
SCOOP
Copyright © 1937, 1938, 1965, 1966 Evelyn Waugh
All rights reserved

Перевод с английского Аллы Бураковской
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

ISBN 978-5-389-19759-6

© А. Ю. Бураковская (наследник), перевод,
1992
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

Книга I
Услуги фирмы Ститч

Глава 1

I

Будучи совсем еще молодым, Джон Кортни Таппок «занял в современной литературе прочное и завидное положение», как указывал в аннотации его издатель. Романы Таппока расходились тиражом пятнадцать тысяч экземпляров в первый же год после публикации, и их читали люди, чьим мнением Таппок дорожил. В перерывах между романами он поддерживал репутацию интеллектуала скромными, но элегантными трудами по истории и мореплаванию. Если надписанные им экземпляры первых изданий обретали новых владельцев, то их цена возрастала на шиллинг, а то и на два. Всего на его счету было восемь книг — начиная с жизнеописания Рэмбо, вышедшего из-под его пера, когда ему было восемнадцать лет, и кончая «Потерянным временем», изысканно-сдержанным отчетом о нескольких кошмарных месяцах, проведенных среди индейцев Патагонии. Имена двух-трех этих индейцев были в большом ходу у леди Метроленд и примыкавшего к ней общества. У Джона Таппока было много друзей, среди которых сияла несравненная миссис Алджернон Ститч.

Как и все, кто вращался в ее орбите, Джон Таппок делился с ней всеми своими трудностями. Не было исключением и то ледяное июньское утро, когда он пересек парк и позвонил в дверь ее особняка (шедевр Николаса Хоксмюра, спрятанный в тупичке неподалеку от Сент-Джеймского дворца).

Посреди холла стоял Алджернон Ститч. На голове у него была шляпа, правая рука, торчавшая из левого рукава пальто, держала малиново-красный, украшенный гербами портфель, а другую руку он безуспешно пытался продеть в нагрудный карман. Зонтик, который мистер Ститч прижимал к боку левым локтем, затруднял эту нелегкую задачу. Говорил он неразборчиво, поскольку в зубах держал утреннюю газету.

— Никак не надену, — слышалось Джону.

На помощь ему пришел дворецкий. Забрав у хозяина зонтик и портфель, он положил их на мраморный столик, затем они совместными усилиями освободились от пальто и повернули его нужной стороной. Джон позаботился о газете.

— Спасибо. Большое спасибо. Искренне благодарен. Вы к Джулии?

Сверху, из комнаты, куда вела, плавно изгибаясь, величественная лестница, раздался негромкий, но неожиданно сильный голос:

— Постарайся не опоздать к обеду, Алджи. Будут Кенты.

— Она наверху, — сказал Ститч. Теперь, когда на нем было пальто, он сделался стопроцентным английским министром — длинный и худой, с длин-

ным тонким носом и с длинными тонкими усами. Идеальная модель для карикатуристов. — Идите в спальню, — добавил он.

— С удовольствием читал сегодня вашу речь. — Джон бывал неизменно вежлив со Ститчем. (И не он один. Парламентские лейбористы его обожали.)

— Мою речь? С удовольствием? Вот как? Мне не понравилась. Но все равно спасибо. Большое спасибо. Искренне благодарен.

И Ститч отправился в министерство имперской обороны, а Джон — наверх, к Джулии.

Пользуясь наставлениями мужа, он прошел в спальню. Джулия еще не вставала, хотя часы показывали начало двенадцатого. Ее подвижное лицо, скрытое под слоем глины, было непроницаемым и грозным, как маска ацтека. Но она не лежала без дела. Рядом с постелью сидела ее секретарь мисс Холлоуэй, обложенная счетами, расходными книгами и письмами. Одной рукой миссис Ститч подписывала чеки, другой держала телефонную трубку, в которую диктовала детали костюмов для благотворительного балета. Элегантный молодой человек, стоявший на стремянке, расписывал потолок руинами замка. Дочь Джулии Джозефина, восьмилетний чудо-ребенок, штудировала дневную порцию Вергилия. Бритлинг (горничная) вписывала слова в кроссворд, который миссис Ститч решала с половины восьмого утра.

Увидев Джона, Джозефина бросилась к нему. «Таппок! Таппок!» — крикнула она, пнув его сна-

чала одной ногой, а затем другой. Это была ее любимая шутка.

Миссис Ститч обратила к нему свой глиняный лик с человеческими глазами и дружелюбно произнесла:

— Входите. Я как раз собираюсь в город. Почему двадцать фунтов миссис Бивер?

— Вы купили у нее свадебный подарок для леди Джин.

— Какое безумие! Что касается львиной головы для нагрудника центуриона, то очень красивая есть на воротах дома, который называется Твисбери-мэнор, неподалеку от Солсбери. Нужно ее точно скопировать. Позвоните в редакцию «Города и усадьбы» и попросите подшивку старых номеров. Года два назад они помещали ее фотографию. Мне кажется, на башне должно быть поменьше плюща, Артур, иначе трудно будет разглядеть сову, а она такая милая, особенно на фоне камня. «Мупега», детка, как «трáлала», краткое «а» множественного числа среднего рода. Если это все-таки анаграмма, то, может быть, «терракота» подойдет? Ужасно рада видеть вас, Джон! Где вы пропадали? Поедемте со мной за коврами, я недавно обнаружила замечательный новый магазин в Бетнел-Грин. Хозяин — еврей, страшно забавный, не говорит ни слова по-английски, и с его сестрой постоянно происходят удивительные истории. Почему я должна ехать в «Приют отверженных» Виолы Казм? Она ведь не была в моем «Образцовом бедламе»?

— Была, миссис Ститч.

— Значит, еще две гиней. «Потерянное время» — прелесть! Мы читали его вслух в Блэквелле. Безголовый аббат неподражаем.

— Безголовый аббат?!

— На потолке у Артура. Я отнесла «Время» в комнату премьер-министра.

— И он его прочитал?

— По правде говоря, я не уверена, что он любит читать.

— «Терракота» не подходит, мадам. Нужно короче и без «р».

— Попробуйте «готтентот». Там наверняка что-то в этом духе. Трудно разгадывать анаграмму вслепую. Нет-нет, Твисбери, а не Присбери.

— *Floribus Austrum*, — нараспев говорила Джозефина, — *perditus et liquidis immisi fontibus apros*; будучи потерян с цветами на Юге и послан в жидкий фонтан. *Apros* — это дикие кабаны, и я не понимаю, при чем они здесь.

— Оставим это до завтра. Мне пора. Ну как «готтентот?»

— «Т» лишнее, мадам, — мрачно констатировала горничная.

— Как жаль! Надо будет еще подумать в ванной. Я вернусь через десять минут. Пообщайтесь пока с Джозефиной.

И, выпорхнув из постели, она исчезла. Бритлинг поспешила за ней. Мисс Холлоуэй собрала бумаги. Молодой человек на стремянке с воодушевлением водил кистью по потолку. Джозефина, свернувшись на постели калачиком, следила за ним.

— Ужасно банально. Правда, Таппок?

— Мне нравится.

— В самом деле? А по-моему, все, что Артур нарисовал, банально. Я прочла вашу книгу «Потерянное время».

— Угу. — Таппок не хотел вступать в дискуссию.

— Она мне показалась ужасно банальной.

— Я смотрю, у тебя все «банально».

— Мне нравится это слово. Я его узнала совсем недавно, — с достоинством пояснила Джозефина. — Оно подходит ко всему: и к Вергилию, и к мисс Бритлинг, и к моей гимназии.

— Как обстоят дела в гимназии?

— Я первая ученица в классе, хотя у нас есть девочка старше меня и два умных мальчика.

Когда миссис Ститч говорила «десять минут», это означало десять минут. Верная своему слову, она вошла в спальню одетая и причесанная. Ее прелестное лицо, освобожденное от глины, выражало живейший интерес к происходящему.

— Джозефина, ангел, мистер Таппок тебя не очень утомил?

— Нет, мамочка, не очень, он почти все время молчал.

— Изобрази ему премьер-министра.

— Не хочу.

— Спой неаполитанскую песенку.

— Не хочу.

— Покажи, как ты стоишь на голове. Пожалуйста!

— Не хочу.

— Жаль. Тогда пошли, если мы хотим вернуться из Бетнел-Грин до обеда. На дорогах ужасные пробки!..

Алджернон Ститч отбыл на службу в солидном и несколько старомодном «Даймлере». Джулия, которая обходилась без шофера, дважды в год покупала себе новую модель малолитражки — неизменно черную, лакированно блестящую и крошечную, как катафалк карлика. Въехав на тротуар, она стремительно покатила вперед. У Сент-Джеймского парка машина была остановлена полицейским, который записал ее номер и посоветовал Джулии воспользоваться мостовой.

— Третий раз на этой неделе! — вздохнула она. — Бедный Алджи!

Внедрившись в автомобильную пробку, она заглушила мотор и развернула газету с кроссвордом.

— Это «балласт», — сообщила она, вписывая найденное наконец слово.

Восточный ветер нес по улице выхлопные газы сотен моторов и искрошенную в песок ампирную лепнину с одряхлевшего нэшевского особняка¹, возле которого они стали. Особняк сносили. Джон поежился и втер в глаз немного исторической пыли. Восьми минут пристального внимания оказалось достаточно для решения кроссворда. Миссис Ститч бросила газету через плечо на заднее сиденье и с неприязнью оглядела застывшие вокруг машины.

— Это никуда не годится! — воскликнула она, включила зажигание и, резко вывернув свою ма-

¹ Джон Нэш (1752–1835) — знаменитый английский архитектор.

плотку на тротуар, поехала по направлению к Пиккадилли, гоня перед собой плотного лысоватого мужчину, покуда он не вскочил на ступеньки клуба «Брукс». Очутившись в безопасности, бегун протестуяще повернулся, узнал миссис Ститч и долго кланялся вслед черной точке, уносящейся в сторону Арлингтон-стрит.

— Я всегда говорила, что в этих смешных машинках можно делать то, чего нельзя в настоящих, — заметила Джулия.

От Гайд-парка до Пиккадилли автомобильный поток стоял обреченно и недвижимо, как на фотографическом снимке, и единственными живыми островками в этом стылом море были огороженные заборами пятачки, на которых землекопы с пролетарской лихостью долбили землю отбойными молотками, как будто аванпост трудящихся всех стран рвался к проводам и трубам, управляющим жизнью города.

— Я хочу уехать из Лондона, — сказал Джон.

— Даже так? И все из-за этой американки?

— В основном да.

— Я вас предупредила в самом начале. Она чудовище?

— Честь не позволяет мне ответить на этот вопрос, но чем дальше я отсюда уеду, тем меньше у меня шансов сойти с ума.

— Мне доподлинно известно, что до такого состояния она довела троих мужчин. Куда вы собираетесь ехать?

— Об этом я и хотел с вами поговорить.

Лавина машин конвульсивно дернулась и почти сразу же остановилась. На улицах начали продавать первый выпуск вечерних газет, и ветер трепал страницы, на которых было крупно напечатано: КРИЗИС В ЭСМАИЛИИ! ЗАЯВЛЕНИЕ ЛИГИ НАЦИЙ!

— Эсмаилия — это заманчиво. Как вы думаете, Алджи не мог бы послать меня туда шпионом?

— Исключено.

— Вы уверены?

— Не сомневаюсь. Алджи увольняет шпионов пачками. Их страшный переизбыток. Почему бы вам не отправиться туда военным корреспондентом?

— А вы это можете устроить?

— Наверное, могу. К тому же вы были в Патагонии. Вас оторвут с руками и ногами. Но вы в самом деле хотите уехать?

— Да.

— Тогда не будем откладывать дела в долгий ящик. Я сегодня приглашена на ленч к Марго. Коппер там тоже будет, и я переговорю с ним.

II

Когда леди Метроленд говорила «полвторого», это означало «без десяти два», и именно в это время в ее доме на Керзон-стрит появилась миссис Ститч, которую транспортная пробка вынудила оставить машину в гараже на полпути в Бетнел-Грин и ехать к леди Метроленд на метро. В отличие от нее лорд Коппер, обыкновенно евший в час,

ждал хозяйку дома с некоторым недоумением. В комнату, где он сидел, время от времени входили хорошо знакомые между собой и неизвестные ему мужчины и женщины, которые не обращали на него никакого внимания. Служащие газетной корпорации «Мегалополитан» вряд ли узнали бы своего повелителя в растерянном человеке, встававшем каждый раз, когда отворялась дверь, в напрасной надежде, что его заметят. Он был чужим здесь и такому страшному испытанию подвергся вследствие собственной недалёковидной щедрости на одном из благотворительных базаров леди Метроленд. Теперь, в разгар делового дня, он готов был заплатить вдвое, чтобы вернуть себе былую свободу. И когда миссис Ститч — вошедшая одновременно с хозяйкой — обратила слепящий свет своего обаяния на него, он обомлел и в считанные секунды перешел от оцепенения к неистовому восторгу.

Действительность немедленно преобразилась, поскольку лорд Коппер стал воспринимать ее с точки зрения того, как она соотносится с миссис Ститч. Он был наслышан о миссис Ститч, порой видел ее издали и вот теперь, впервые в жизни, качался в гипнотических волнах ее внимания. Для сидящих за столом картина была привычной, и они, почти не понижая голосов, ибо лорд Коппер находился в состоянии эйфорического транса, принялись строить догадки, что Джулии от него нужно. «Чек для „Образцового бедлама“», — говорили одни. «Хочет, чтобы карикатуристы отстали от Алджи», — считали другие. «Сейчас попросит де-

нег», — подумал официант (всегда становившийся к ленчу циником, так как по настоянию леди Метроленд худел). «Кому-то протезирует», — решил самый догадливый, но никто не подумал о Джоне Кортни Таппоке до тех пор, пока миссис Ститч не упомянула его имя. И тут уж все дружно включились в интригу.

— Вы совершенно правы, — сказала она, играючи получив от лорда Коппера заявление, что премьер-министр не является образцом добродетели ни на своем посту, ни в личной жизни, — и все же он, как ни странно, обладает тонким вкусом. На столике у его кровати, например, всегда лежит Таппок.

— Таппок? — преданно, но с некоторой тревогой переспросил лорд Коппер.

— Книга Джона Таппока.

Сидящие за столом поняли намек.

— Ах, этот Джон Таппок, — вздохнула леди Метроленд, — какой ум, какое обаяние! Жаль, что он редко ко мне заглядывает.

— Божественный стилист! — вставила леди Кокперс.

Обедающие принялись на все лады расхваливать Джона Таппока, и лорд Коппер, слышавший это имя впервые, подумал, что надо бы справиться о нем у литературного секретаря.

Теперь, когда ее собеседник узнал о существовании Таппока, миссис Ститч сочла нужным изменить тему разговора и самым лестным образом поинтересовалась мнением лорда Коппера о шансах на мирный исход дела в Эсмаилии. Лорд Коппер

твердо пообещал ей гражданскую войну, и миссис Ститч посетовала, что настоящих военных корреспондентов осталось не так уж много.

— А этот, сэр, как его, Хитчкок? — спросила леди Кокперс (и некстати, поскольку означенный дворянин недавно оставил службу у лорда Коппера вследствие весьма язвительного спора, касавшегося битвы при Гастингсе, и переметнулся в стан «Дейли врут»).

— Кого вы собираетесь послать в Эсмаилию? — спросила миссис Ститч.

— Я как раз обсуждаю сейчас это с моими редакторами. Война, на мой взгляд, будет исключительно интересной — этаким мировой катастрофой в миниатюре, и мы собираемся освещать ее как можно шире. Деятельность крупнейших газет, — продолжал лорд Коппер, вновь чувствуя себя ротарианцем¹ и оракулом, — выходит за рамки обычного репортажа, что понимают далеко не все. Читатель, открывающий газету, даже не подозревает, сколько труда вложено в ее создание. («Умру», — внятно выдохнула леди Метроленд.) Он платит свои пять пенсов, и за них наши военные эксперты, наши лучшие репортеры и первоклассные фотографы предоставляют ему самую отборную информацию.

— Да-да-да, — согласилась миссис Ститч. — Самую отборную. Поэтому на вашем месте я послала бы туда кого-нибудь вроде Таппока. Вам, конечно,

¹ Членом клуба «Ротари», международной организации, объединяющей бизнесменов, юристов, адвокатов, врачей и пр., стремящейся к улучшению благосостояния общества.

вряд ли удастся уговорить его самого, но многие ему подражают, и вы...

— Смею вас заверить, дорогая миссис Ститч, что «Дейли свист» умеет договариваться с талантами. Не так давно известнейший поэт написал для нас оду о чистой выручке и ее зависимости от тиража. Он сам признавался мне потом, что ничего более ценного и возвышенного в своей жизни не писал.

— Разумеется, если бы вы смогли заинтересовать самого Таппока, то о большем нельзя было бы и мечтать. Он опытный путешественник, прекрасно пишет и Эсмаилию знает как свои пять пальцев.

— Таппок — божественный репортер, — сочла своим долгом закрепить сказанное леди Кокперс.

Через полчаса миссис Ститч позвонила Таппоку.

— Все в порядке, Джон. Вы едете. Не соглашайтесь меньше чем на пятьдесят фунтов в неделю.

— Да благословит вас бог, Джулия! Вы спасли мне жизнь.

— Пользуйтесь услугами фирмы Ститч! — раздался в ответ веселый голос.

III

Вечером редактор международного отдела «Свиста» мистер Солтер получил приказ явиться на ужин в загородный дом своего патрона в Ист-Финчли. Это был тяжелый удар для человека, обычно работающего допоздна и именно сегодня собравшегося пойти в Оперу. Мистер Солтер и его

жена готовились к этому знаменательному событию не одну неделю, и по дороге в уродливую резиденцию лорда Коппера специалист по международным проблемам с тоской вспоминал беззаботные дни, когда он ведал «Уголком домашней хозяйки» или — в совсем уж волшебные времена — подбирал анекдоты для юмористического еженедельника. Глава «Мегалополитан» был убежден, что поддержать работоспособность сотрудников можно, только перебрасывая их из одного отдела в другой. Заветной мечтой мистера Солтера были «Ребусы и головоломки», но пока что он вынужден был нести тяжкий крест международных отношений.

Они ужинали вдвоем: съели суп с петрушкой, хек, жареную телятину, пудинг, выпили виски с содовой. Лорд Коппер объяснил гостю сущность нацизма, фашизма и коммунизма. Позднее, сидя в омерзительной библиотеке, он коснулся положения на Дальнем Востоке. «„Свист“ поддерживает создание сильных и враждебных друг другу правительств во всех странах, — заявил он. — Наш девиз: внутренняя самостоятельность и внешнее самоутверждение!»

Участие в беседе мистера Солтера сводилось к выражению согласия. Когда лорд Коппер был прав, он говорил: «Совершенно верно, лорд Коппер», а когда тот ошибался: «В общем, да, лорд Коппер».

— Как называется этот город, столица Японии? Иокогама, так ведь?

- В общем, да, лорд Коппер.
- А Гонконг принадлежит нам...
- Совершенно верно, лорд Коппер.

Пауза.

— В Эсмаилии будет гражданская война. Я намерен ее освещать. Кого можно послать туда?

— Как вы понимаете, лорд Коппер, мы должны будем послать либо штатного корреспондента, знающего дело, но неизвестного публике, либо какую-нибудь знаменитость со стороны. Видите ли, с тех пор как мы лишились Хитчкока...

— Да-да-да. Знаю. Военный корреспондент номер один. Тинк непременно отправит его туда. Знаю. Но он был не прав! Битва при Гастингсе — это тысяча шестьдесят шестой год, я проверял! И я не могу держать на службе человека, у которого не хватает мужества признать свою ошибку.

— Может быть, воспользоваться услугами кого-то из американцев?

— Нет. Я знаю, кто мне нужен. Таппок.

— Таппок?

— Да, Таппок. Молодой человек, за чьим творчеством я давно наблюдаю. У него редкий стиль, он был в Патагонии, и премьер-министр держит его книги на тумбочке возле кровати. Вы его читали?

— В общем, да, лорд Коппер.

— Тогда свяжитесь с ним завтра же. Договоритесь о встрече. Встреча должна быть сердечной. Сводите его в ресторан. Соглашайтесь на любые условия. То есть на любые разумные условия, — уточнил он, поскольку подобного рода инструкции,

выполненные буквально, уже приводили к удручающим последствиям, и велосипедист-трюкач, на которого лорд Коппер обратил внимание в припадке благодушия, осел в спортивном отделе на пять лет, получая пять тысяч фунтов в год.

IV

Мистер Солтер, придя в полдень на службу, застал ответственного редактора погруженным в глубокую депрессию.

— Утренний выпуск страшно взять в руки, — сказал тот. — Мы заплатили профессору Джеллаби тридцать гиней за статью, и теперь все гадают, о чем она. История с зоопарком — «Нож милосердия» — проиграна «Дейли врут» по всем параметрам. Но самое ужасное — это, конечно, спортивный раздел!

Мучаясь от стыда, они прочли опус велосипедиста.

— Кто такой Таппок? — спросил после тяжелого молчания мистер Солтер.

— Знакомое имя, — сказал ответственный редактор.

— Шеф хочет послать его в Эсмаилию. Это любимый писатель премьер-министра.

— Значит, он не тот, о ком я подумал.

— Мне нужно его разыскать, — продолжал мистер Солтер, вяло листая злосчастный утренний выпуск. — Таппок, — повторял он. — Таппок, Тап-

пок. Таппок. Смотрите, вот он. Таппок! Почему шеф не сказал, что он у нас в штате?

На последней странице, униженно зажатый между «Зверюшками-игрушками» и рецептом «Вафель всятку», помещался неприметный, на полколоники (выделявшиеся каждые две недели для «Природы»), раздел «Луг и чаща», под которым значилось: корреспондент Уильям Таппок, сельский житель.

— Вы думаете, это он?

— Конечно! Премьер-министр помешан на природе.

— Говорят, он первоклассный стилист. «Топкое болото не дрогнет под опущенными лапками дерзкой полевки...» Как вам?

— Да, — сказал ответственный редактор. — Наверное, это и есть хороший стиль. По крайней мере, иначе я это определить затрудняюсь. Теперь я вспомнил, кто он такой, хотя никогда его не видел. По-моему, он никогда не был в Лондоне. Материал посылает почтой. Пишет от руки.

— Мне поручено пригласить его в ресторан.

— Заказывайте сидр.

— Сельские жители его любят?

— Да, сидр и консервированный лосось — традиционные крестьянские лакомства.

— Отправлю ему телеграмму. Странно, что шеф решил послать в Эсмаилию именно его.

СОДЕРЖАНИЕ

Книга I. УСЛУГИ ФИРМЫ СТИТЧ	5
Книга II. КАМНИ – 20 ФУНТОВ	107
Книга III. БАНКЕТ	255

Во И.

В 61 Сенсация : роман / Ивлин Во ; пер. с англ. А. Бураковской. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 320 с. — (Азбука Premium).

ISBN 978-5-389-19759-6

В романе «Сенсация» (1938) знаменитый британский прозаик Ивлин Во, пожалуй, как ни в одной другой своей книге, демонстрирует поистине джеромовское умение творить смешное буквально из ничего, выращая из одной пустячной путаницы целую абсурдистскую «трагикомедию ошибок». Скромного автора колонки «Луг и чаща» в провинциальной газете вследствие редакционной неразберихи отправляют вместо его однофамильца — известного писателя и путешественника — военным корреспондентом в далекую африканскую страну Эсмаилия, где, по слухам, назревает гражданская война. По прибытии туда он выясняет, что никакой войны в стране нет. Но от мистера Тапшока ждут сенсации, и тихий недотепа, оказавшись в безумных и опасных для жизни бытовых условиях бывшей колонии, старается выполнить редакционное задание — и при этом выжить...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ИВЛИН ВО
СЕНСАЦИЯ

Ответственный редактор Сергей Антонов
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ольги Антиповой
Корректоры Антон Залозный, Дмитрий Капитонов
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 04.08.2021. Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 16,8.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-AUM-28518-01-R